

Л. А. Курышева

Новосибирск, Россия

**ОВИДИЕВСКАЯ ЛЮБОВЬ-БОЛЕЗНЬ
И СЮЖЕТ О ГАЛАНТНОМ ЗАВОЕВАНИИ
ВОЗЛЮБЛЕННОЙ В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ
БЕЛЛЕТРИСТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА ***

В рукописной беллетристике первой половины XVIII в. нашел отражение новый идеал светского поведения, воплощенный в понятии «политичный кавалер». В частности, ритуал галантного ухаживания зафиксирован в ней в форме сюжета о завоевании возлюбленной, начальная и конечная точка которого – влюбленность кавалера, симптомы которой похожи на болезнь, и взаимность, которой он добивается через испытание дамой его чувств. Этот сюжет вырос из овидиевской концепции любви как болезни. Постепенно образ чувствительного кавалера, впадающего в болезнь от неразделенной любви, получает прописку в русской беллетристике. Знаком освоения русской культурой новых кодов является использование в мемуаристике при описании любовного чувства либо одного элемента – метафоры любви-болезни, либо развернутого комплекса мотивов любви-болезни и исцеления.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, Овидий, беллетристика, рукописная повесть, семиотика бытового поведения.

В статье, посвященной вопросу формирования в России XVIII в. культуры любовного политеза, Л. И. Сазонова дает следующую характеристику цивилизаторской роли переводного романа:

Открывая русскому читателю тонкости куртуазного мировоззрения, воспитывая новое отношение к любви как к духовному наслаждению и плодотворному пережи-

* Работа выполнена в рамках совместного с УрО РАН интеграционного проекта СО РАН № 53 «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования» (2012–2014 гг.).

Курышева Любовь Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, kurysh@mail.ru)

ванию, западноевропейский роман в русской культуре XVIII века... выступал в функции своеобразной практической риторики, где читатель мог найти готовые образцы любовных объяснений, диалогов, писем, описание разнообразных любовных ситуаций и т. д. По роману учились галантному поведению и чувствам [1, с. 131]¹.

Исследователи неоднократно отмечали историко-культурную ценность появления в русской печати выполненного В. К. Третьяковским переводом французского прециозного романа Поля Тальмана «Езда в остров Любви» (1730)². Однако, на наш взгляд, роль рукописной беллетристики в становлении новой светской культуры остается по-прежнему сильно недооцененной. Между тем на начальном этапе переводы западноевропейских романов получили распространение именно в рукописном виде. В них и созданных на их основе русских обработках и оригинальных сочинениях мы находим образцы галантной практической риторики и примеры галантного поведения.

Новый поведенческий идеал западноевропейской культуры XVI–XVII вв. и русской культуры начала XVIII в. воплотился в понятии *honnête homme*, *galant homme*, «политичного кавалера». Его система ценностей представляет собой одну из разновидностей рыцарского этоса, с одной лишь разницей – «сражаются здесь не оружием, но прежде всего на словесных турнирах» [5, с. 116]. Говоря шире, успешность на жизненном поприще в Новое время основывается на искусстве нравиться, искусстве общаться. Решающую роль в формировании новых форм поведения сыграли централизация королевской власти, возрастание роли двора и салона в жизни аристократии³. В художественной литературе, разумеется, нашли отражение новые модели бытового поведения. Так, мы определенно можем наблюдать развитие сюжета о завоевании благосклонности возлюбленной, при этом не в ходе рыцарского искания и военных подвигов, а в ситуации совместного досуга – на ассамблее, на балу, в опере, на званом вечере и т. п. В настоящей статье мы намерены дать описание ритуалу кавалерского ухаживания в том виде, в каком он зафиксирован в русской рукописной беллетристике первой половины XVIII в., а именно в форме сюжета о галантном завоевании возлюбленной.

Забегая вперед, отметим, что отраженный в этом сюжете ритуал галантного ухаживания в целом совпадает с изображением развития любовного чувства и описаниями любовных уловок, которые содержатся в сочинениях Овидия и «учебниках» любви его средневековых последователей, обосновавших куртуазные отношения между мужчиной и женщиной⁴. Разумеется, анонимные авторы русских переделок и оригинальных произведений лишь опосредованно были знакомы с овидиевскими сочинениями и средневековыми трактатами⁵, а именно через образцы европейского романа конца XVI–XVII в., в котором куртуазная традиция была ревитализована [12, с. 409]. По сути, рассматриваемый нами сюжет о галантном завоевании возлюбленной вырастает из овидиевской метафоры-идеи любви как болезни.

¹ Исследовательница анализирует влияние европейских романов и нормативных сочинений на русскую риторику любовного поведения и любовную лексику [1].

² См. об этом: [1, с. 129–130; 2–4].

³ Анализ новых моделей поведения в европейской культуре XVI–XVII вв. и русской культуры переходной эпохи представлен в работах: [5–8].

⁴ О средневековых последователях Овидия: [9, с. 571–573; 5, с. 93–95].

⁵ По этой причине параллельные места из Овидия и средневековых латинских сочинений «Овидиева цикла» (трактат «О любви» Андрея Каппелана, любовный письмовник Бонкомпаньо Болонского «Колесо Венерино») даются в «подвале» статьи по современному переводу М. Л. Гаспарова. О русской овидиане см.: [10; 11].

Начальный и конечный пункты сюжета – это влюбленность кавалера и взаимность, которой он добивается. Несмотря на большое количество рукописных произведений этого периода ⁶, детально разработанный сюжет о галантном завоевании возлюбленной представлен только в двух известных на сегодняшний день произведениях – «Повести о российском кавалере Александре» (далее – *КА*) и «Повести о Евграфе и Александре» (далее – *ЕА*) ⁷.

Звенья сюжета следующие: любовная болезнь кавалера, испытание кавалера, принесение взаимных обетов верности. Рассмотрим теперь сюжет подробнее.

Первое звено: *любовная болезнь кавалера*. Началом к поиску взаимности служит красота девицы или слух о ее красоте: случайная (она же роковая) встреча и короткий разговор Александра с Элеонорой (*КА*), слух о красоте и неприступности благородной девицы Тиры (*КА*), увиденный Евграфом портрет Вирсовии (*ЕА*) побуждает искать знакомства ⁸. Чтобы беспрепятственно лицезреть красавицу, герои обеих повестей переодеваются в женское платье: один гуляет по королевскому саду и высматривает Тиру (*КА*), другой является в дом Вирсовии в сопровождении учительницы музыки (*ЕА*). Красота героини оказывает мгновенное действие и пробуждает в герое сильное чувство:

И счастием ево случилось, что реченная Тира идет в сад, а Александр идет из саду, и тут ея высмотрел, как ему надобно было. И *распалился сердечную любовью к ней безмерно*. Того ради велел себе зделать женской убор и многия дни во оном уборе в саду по ночам гулял и Тиру высматривал [13, с. 248] ⁹.

...Королевна спрашивала о имени и умеет ли играть и тонцовать. Евграф же о себе объявил, что имя ему Магрета, а играть и тонцовать умеет... *И дивовался*

⁶ Любовная линия в русских рукописных повестях первой половины XVIII в. большей частью представляет собой наслоения из сказочного по происхождению сюжета о свадебной поездке и топосов рыцарского и любовно-авантюрного романов; из романских разновидностей Нового времени очевидно влияние барочного галантно-героического романа и маньеристических «трагических историй». В опубликованных рукописных памятниках зачастую имеются только элементы галантного поведения, но не сам интересующий нас сюжет.

⁷ Кратко напомним историю происхождения и бытования этих памятников. «Повесть о российском кавалере Александре», возникнув в первые десятилетия XVIII в., пользовалась популярностью на протяжении всего столетия; исследование и публикация на основе 23 списков были осуществлены Г. Н. Моисеевой: [13]. «Повесть о Евграфе и Александре» известна только по двум поздним спискам, в литературном окружении 20–40 гг. XVIII в., хотя исследователь и публикатор повести Ю. К. Бегунов не исключает, что архетип этих списков может быть старше 50-х гг.: [14].

⁸ В отличие от Овидия, который предлагал сознательно подойти к выбору объекта для любви («Первое дело твое, новобранец Венериной рати, / Встретить желанный предмет, выбрать, кого полюбить. / Дело второе – добиться любви у той, кого выбрал» [15, с. 146]), о любви как внезапном стихийном чувстве писал в своем трактате Андрей Капеллан: «Ибо когда некий видит некую, а она пригожа для любви и видом по душе ему, то он тотчас возымевает к ней вождление в сердце своем и затем сколь много помышляет о ней, столь сильнее возгорается любовью, доколе весь не поглотится в том помышлении» [16, с. 384]. А Бонкомпаньо предлагал своеобразную типологию возникновения любви: «...иные начинают любить тех, с кем еще не единожды в разговор не вступали; иные ищут любви после собеседования и малого знакомства; иные же домогаются любви от тех, кого не видели никогда» [17, с. 402].

⁹ Далее ссылки на это издание и страницы даны в круглых скобках с обозначением «КА».

доброте лица Вирсовина, и едва он мог усидеть за столом, когда кушали [14, с. 218]¹⁰.

При посредничестве слуг, о необходимости прибегать к которому писали еще Овидий и Андрей Капеллан¹¹, влюбленный кавалер посылает письма и обращается с ариями, умоляя возлюбленную ответить взаимностью. В этих посланиях возлюбленная названа и причиной болезни и возможным врачом. Приведем выдержки из писем кавалера Александра, в которых герой обращается к возлюбленным с просьбой об исцелении:

Дражайшая Елеонора, государыня моя! ... дивлюсь, как возмогла такое великое пламя горячности с высоты во утробу мою вложить, которое меня столко палить, что уже горячность моего сердца терпеть не может. Того ради покорно прошу: *буди врач болезни* моей, ибо никоим доктором отъята быть не может (КА, с. 217).

Любезнейшая Тира, милостивая государыня моя! Лютые стрелы красота ваша в сердце мое вонзила и приятные взоры очей ваших желание во мне ко исканию высокородной любви вашей возбудили... Хотя и не без опасности остаю, однако ж, по моему мнению, *равная мне пагуба* тайно или явно себя сокрушати. Первое: *любити и не объявлять* – болезнь несносная. Второе: сия моя дерзость великое ж несчастие нанести может (КА, с. 248–249).

В изображении охватившего героя любовного чувства анонимные авторы повестей следуют широко распространенной, ведущей начало от Овидия, традиции описывать любовь через метафору болезни¹². Испытывая муки любви кавалер наконец впадает в настоящую болезнь и при этом находится на грани жизни и смерти:

Александр... егда несклонность Елеонорину уразумел, претворил себя, якобы изумленный случился... отчего наконец и в сущую жалость пришел <...> в великой той печали многия дни по граду ходил... и... *прииде на него жестокая горячка*. И в том *великом жару* неведомо каким способом вшел в пасторские полаты. И пришед пред лице Елеонорино, и рече: «Ныне знай, что со мною чинити». И паде на землю, ибо *не мог более в болезни стояти*. Тогда Елеонора, прииде в великой ужас, и рече в себе: «Ах, как я, проклятая, *такого изрядного и чести достойного кавалера несклонностию своею в конечную погибель привела*» (КА, с. 218–220).

В той же день вечера *пришел в великую горячку... Погибаю ныне ради красоты Вирсовиной...* вчерашнего числа во образе юныя девицы был со мною <говорит служанка Вирсовии. – Л. К.> Гишпански король, которой, *видя доброту лица ваше-*

¹⁰ Далее ссылки на это издание и страницы даны в круглых скобках с обозначением «ЕА».

¹¹ Ср. с Овидием: «Но позаботься сперва заручиться подмогой служанки, / Чтоб до хозяйки достичь более легким путем <...> Пусть порасскажет потом о тебе с убеждающим жаром, / И поклянется, что ты гибнешь от страстной любви» [15, с. 155–156]. В своем трактате Андрей Капеллан также говорит о поиске посредников, которые помогут добиться милости возлюбленной [16, с. 384].

¹² Ср. высказывание А. Д. Михайлова о влиянии овидиевской идеи любви-болезни на французскую средневековую литературу: «...Наивное изображение любовных мук... через... внешние проявления – слезы, стоны, обмороки и т. п. ... Такое натуралистическое изображение проявлений любви... стало общим местом и обрело “этикетность”, т. е. прочно заняло место в системе изобразительных средств куртуазной литературы» [18, с. 56–57]. Одно из первых изображений любви-болезни в русской литературе – рассказ об Александре и Лодвике в составе «Повести о семи мудрецах».

го, ныне лежит в болезни, токмо приказал вас просить, дабы не допущен был к концу ево жизни (ЕА, с. 218–219).

Второе звено: *испытание чувств кавалера*. Благородная девица отказывает «просителю», более того – изливает гнев, угрожая наказать за дерзость. Например, в ответном письме Тиры Александр получает отповедь:

Щастие твое, Александр, велико, что природная наша скрытность, гнев мой победила, понеже не токмо из града выгнать, но и *смерти* за такую твою вину и продерзность *достойн еси*. Ныне с тобою милость покажу, а *впред отнюд не дерзай ни о чем докучати, за что смертную рану на теле своем понесеш (КА, с. 249).*

По размышлении герой решает попытаться счастья еще одним письмом. В известных «учебниках» любви отказ трактовался как этикетное «ломанье», как сигнал к тому, чтобы продолжить ухаживание¹³. Также рассуждает и Александр: «Ежели бы ей со мною немилость зделать, то б ныне учинила. Того ради еще к ней письмо пошлю, и что зделается, да будет со мною». В письме он просит либо смилостивиться – ответить на любовь, либо прийти сотворить благодеяние – освободить его от тяготы жизни:

Ежели б вы жизнь мою пресекли, за великое щастие себе приписал бы. Сие ж посылаю в такой силе, либо сотвори высокую свою со мной милость, или дай рану смертную... Аще ж раба своего не умилостивиши, прошу первее и последнее со мной благодеяние сотворити: пришли и предай мя сама смерти, что мне в порадование будет (КА, с. 249)¹⁴.

Хотя героини наших повестей втайне уже любят, они сначала демонстрируют суровость, желая подвергнуть кавалеров испытанию:

Тогда Елеонора, услыша оное <о болезни Александра. – Л. К.> хотя и сожалела, но объявить ему запретила, ибо *желание ее было, чтоб познать кавалерское сердце, сколь противу женскаго крепко (КА, с. 218).*

Тиры... дивилась желанию ево. *И умыслила над ним смех учинити (КА, с. 249).*

¹³ Ср. у Овидия: «...Быть может, она поначалу ответит сурово, / Веско тебе запретит письмами ей докучать? / Знай: боится она послушанья и ждет ослушанья, – / Будь же настойчив и тверд – цель от тебя не уйдет» [15, с. 160]. Аналогичный совет дает Бонкомпаньо: «...следует знать, что всякая женщина всякого положения и состояния прежде отказывает и в том, чего сама свыше желает; посему, если она каковым-либо образом пославшему отпишет, разумей в этом, что она уже уступить хочет, хотя бы и на словах отрицалась» [17, с. 403].

¹⁴ Ср. с советами Бонкомпаньо о том, как вести переписку, чтобы добиться взаимности. В частности, он предлагает образец письма, в котором последним пристанищем безнадежно влюбленного названа смерть: «Стало быть, отпишет женщина пославшему привет... “чаяние твое праздно, и сеешь ты на песке. Служением твоим я гнушаюсь и желаю, дабы впредь ты мне подобное не писывал”. Из такового послания может любовник уразуметь, что она желание его беспримерно исполнит. Посему напишет он ей повторно следующим образом... “И пусть гласят слова Ваши, что перо я потрудил вотще, – верю, все же, что удостоили Вы меня взглядом; а если не угодна Вам жизнь моя, то повелите умереть, и в смерти я возрадуюсь радостями рая”» [17, с. 403]. Этот «шантаж» смертью отличает средневекового автора от здравомыслящего Овидия, который рекомендовал в своем красноречии прибегать к похвалам и не чуждаться грубой лести, и в то же время советовал сохранять достоинство: «Воску льстивые вверх слова и влюбленные речи – / Что есть сил, умоляй, делу мольбы не вредят... Будь, однако, не прост, храни про себя свою силу, / Не допускай на письме велеречивых словес» [15, с. 158].

В *КА* герой относительно быстро добивается любви пасторской дочери Элеоноры, настоящее испытание на прочность чувства он проходит с «благородной девицей» Тирой. Ситуация испытания заключается в том, что героини обеих повестей – Тира (*КА*) и Вирсовия (*ЕА*) – приезжают в дом кавалера, с грозным видом входят в спальню с оружием в руках, якобы исполнить просьбу – предать его смерти. Готовность к смерти убеждает обеих героинь в искренности чувств кавалера:

...Александр с великою радостью бросился к ней, и надеялся ползу получить. Но Тира, не допустя его до себе, говорила: «Не радуйся, Александре! По прошению твоему смерти ты предати приехала»... Александр... пад пред нею на колени, рече: «*Ты имаши власть помилovati и погубити мя*». Тогда... дала ему Тира *три раны лехкия мечем своим*. Александр в то время с великим гневом рече к ней: «Делай со мной, что хочеш и не медли!» Но Тира, егда увидела ис трех ран истешую кровь, рече: «*Ныне вижу, Александре, верность твою*» (*КА*, с. 249–250).

И пошла в спальню к Евграфу, и как вошла, увидела, что лежит Евграф в тяжкой болезни, сожалела и говарила: «Того ли-де желал себе *доктора со обнаженным мечем?*» На что ответствовал Евграф: «Милостивая моя государыня, высочайшая королева! Хотя сего моменту, прошу пожалуй, *от своей руки учини вечнаго спяща* и при тебе упокоюсь». На что королева ответствовала: «Того ради к тебе пришла, дабы чрез *ползование мое* таковым вас видеть», и *дала одну рану лехкую по левой руки*, и при том же сказала: «Но ино *сим медикоментом* приемли удовольствоваться будет должен, *в вечное здравие* приидешь». *Потом заплакала* и, ничего не говоря, пошла обратно (*ЕА*, с. 219–220).

В последнем отрывке использованы поэтические возможности раскрытия обеих тем – любви и смерти – через метафоры болезни, доктора и лекарства. Обе темы одновременно реализуются в двух антиномичных рядах, сходящихся в одном образе возлюбленной (в духе базирующейся на приеме кончетто барочной поэтики¹⁵: желая испытать возлюбленного, героиня приходит в образе отнимающей жизнь смерти, с обнаженным мечом и с обещанием вечного здравия, т. е. иносказательно – вечной жизни, но по внутреннему содержанию эпизода, суть которого открывается после завершения испытания, она приходит как врач даровать жизнь, т. е. здравие в прямом смысле, а иносказательно – даровать любовь.

Третье звено: *принесение взаимных обетов верности, обмен подарками и письменными клятвами*. Окончательное объяснение происходит посредством арий или писем и завершается дарением символа любовных уз (кольца, завязанных узлом золотых шнуров) и письменными клятвами верности; если это благородная девица, кавалер дает слово хранить девство нареченной до свадьбы.

В *КА* объяснение Александра с «пасторской дочерью» Элеонорой происходит во время званого обеда. Герои сидят за отдельным маленьким столом, забавляются игрой в карты и обмениваются ариями. Элеонора приглашает прийти к ней ночью за «рецептом», который окончательно излечит болезнь, и описывает, каких действий она ждет от возлюбленного:

Когда ко мне приидеши, *дам ти правило поступок* и возму у тебе *столп верности* противу обещания. Того ради изволь заблаговременно *верность свою с клятвою приписати* и вручи персонално мне для того, что без крепкаго фундаменту здание бывает колебимо (*КА*, с. 224).

¹⁵ Об особенностях поэтики барокко см.: [19; 20].

Ночью герой приходит к возлюбленной в спальню и после любовных признаний (по одному из списков – после услаждения «люблением») вручает письменную клятву в верности и кольцо как подтверждение единения двух любящих сердец:

...вы сие колцо примите... ибо я вас с собою ни в чем не разделяю... вижу, что две персоны – одно действо и едина мысль, и равное желание имеем... вам очень пристойно сердца моего половину во охранении иметь! (КА, с. 224–225).

Другая возлюбленная Александра – дочь гофмаршала Тира – посылает герою узел из золотых шнуров, со средневековья известный как символ нерасторжимости любовных уз [21, с. 257]: «...зде положенной *знак любве – златые шнуры, узел зовомы, едина смерть мя развяжет*, прими... остаюсь верная ваша до гроба Тира» (КА, с. 250). Благородная любовь Тиры и Александра скреплена клятвой, написанной кровью:

Александр:

Знак верности моей любовь ваша прежде сего ис трех ран, данных твоею десницею, имела. Ныне же возревновал к тебе... любовию обязати и *четвертую рану на телесе моем сотворил, ис которые истекшею кровию сие начертал*... даю вам создателя моего порукою, что до времени законнаго браку вас с моей стороны содержать в сестрической любви.

Тира:

Того ради и я не умолчу *знак верности моя вам и сие кровию моею ис персей моих начертати не обленилась*. А ради крепчайшаго обязательства кленуся тебе живым богом, что до смерти моей другаго, кроме вас, к любви моей допускати не буду (КА, с. 251).

В другой рукописной повести, *ЕА*, после испытания кавалера и посылки ему «лекарства от горячки», Вирсовия получает в ответ кольцо и письмо, начинающееся шутливым обращением «Дражайший доктор!». Приехав в дом кавалера, она в знак своей склонности ломает шпагу, которой нанесла ему раны, и своими руками накладывает пластырь, после чего «Евграф же, встав скоро с кровати, и с Вирсовиею любезно поцеловался... и *презентовал ее другим перстнем. И она его своим презентовала, и обещались друг друга любить*» (*ЕА*, с. 221)¹⁶.

¹⁶ В отношении подарков наблюдается интересная закономерность. В рассматриваемых нами повестях они исчерпываются символами любовных уз (кольцом, узлом). Функция подарка у Овидия позволяет отнести его в число маленьких услуг: «Не предлагаю тебе дарить драгоценных подарков. / Но небольшие дая, к стати и к месту дари. / В пору, когда урожай гнет ветви и хлебные стебли, / Ты поднеси госпоже сельских корзину плодов... Гроздья дари и орехи... Можешь послать ей дрозда, а можешь цветочные цепи, / Лишний раз подтвердив верность своей госпоже» [15, с. 177]. Андрей Капеллан дает примерный перечень возможных подарков: это гребень, зеркало, рукомоийник, кольцо, т. е. «всякое невеликое подношение, уместное для ухода за собой, для наружной благовидности или для напоминания о солюбовнике» [16, с. 395]. В «Повести о Александре и Лодвике», известной в русской литературе с начала XVII в. в составе «Повести о семи мудрецах», Александр последовательно подносит от имени своего друга Лодвика золотые, усыпанные драгоценными камнями рукомоийник, зеркало и ларец. По-видимому, в русской литературе середины XVIII в. подарки такого рода стали связываться исключительно с продажной любовью, иначе трудно объяснить, почему анонимному автору *ЕА* в части, повторяющей сюжет Повести о Александре и Лодвике, понадобилось обосновывать принятие подарков (драгоценных веера, футляра и «воява») и следующее за ними согласие Велерианы ответить на любовь Александра – страхом за жизнь Евграфа. Подробнее об этом см.: *Курьшева Л. А. Европейский роман в русских рукописях XVIII в.: формирование сюжетного фонда массо-*

Рассматриваемый нами сюжет о галантном завоевании возлюбленной касался до настоящего момента, так сказать, «высокой» любви. Вычленив общие приемы галантного ухаживания легко на примере сниженного изображения любви. В *ЕА* мы имеем дело только с благородной любовью, в *КА* представлен весь спектр возможных любовных отношений. Трагические увлечения Александра оттенены комическими, в новеллистическом духе, «аммурами» Владимира, которым движет в ухаживаниях только плотское влечение – «волокичество». Именно такую сниженную трактовку ритуала кавалерского ухаживания дает разговор трех немецких дворян. По мнению оппонентов защитника женщин Сильберста, баронов Старка и Форьяра, танцы, арии, письма, подарки – это средство, цель которого очевидна для обеих сторон:

Вы виноваты! Почто всегда пред ними унижаетесь якобы добра желаете и хранителями чести их называетесь, а потом понырством приводите в позор (*КА*, с. 281).

Письма, песни и презенты яко сети... мы не виноваты (*КА*, с. 279–280).

Уже всякая девка давно знает, чего ради мы ниско им кланяемся и всегда ко услугам готовы (*КА*, с. 281).

...Мы все любим для одного веселия (*КА*, с. 285)¹⁷.

Подтверждением тому служат приключения Владимира. В качестве примера коротко остановимся на одном из них – его волокичестве в Амстердаме за «секретарской дочкой» Марией-Елизабет. При встрече герой «строит мины», затем шлет письмо, в котором просит разрешения быть причисленным к кругу друзей и обещает хранить девичью честь. Все знаки внимания Мария-Елизабет оставляет без ответа. Тогда через своего товарища Владимир становится вхожим в дом. В новом письме он теперь «испрашивает» «ближайшей дружбы» и просит исцеления сердечным ранам¹⁸ (*КА*, с. 242–243). Героиня рвет письмо и в ответном гневно пишет, что удивляется его «безумию». Несмотря на отказ, Владимир продолжает ухаживания. Исполненная при удобном случае ария открывает ему доступ в покои: герой весело проводит ночь, однако утром родители возлюбленной застают их вместе и бьют незадачливого любовника. Новеллистические по генезису приключения Владимира дают нам пример «усвоенной» куртуазии.

Все герои рассмотренных нами повестей пользуются одной стратегией галантного ухаживания. Ее можно описать следующим образом. Увидев красивую девицу у окна или встретив ее в парке («королевском саду»), в опере или театре, герой подает знаки, пытаясь обратить на себя внимание. Затем заручившись поддержкой слуг, шлет записки, стремится стать вхожим в дом или встретиться в более приватной обстановке – на званом обеде или вечере. Сближению способствуют светская беседа и салонные развлечения – совместное музицирование, танцы, иг-

вой литературы и принципы его функционирования // Генезис зарубежной массовой литературы и его судьба в России: Коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН (в печати). В дальнейшем, в русских бытовых повестях и плутовском романе, любовь в которых является предметом торга, сделку завершает одаривание табакеркой (об этом см.: [22]).

¹⁷ Ср.: «Будь в обещаньях не скуп – обещанья пленяют красавиц... Лишь за одно наказания нет: обманывать женщин» [15, с. 164].

¹⁸ Ср.: «Именем дружбы назвав, сделаешь ближе любовь. / Сам я видал, как смягчались от этого строгие девы / И позволяли потом другу любовником стать» [15, с. 167].

ра в карты, трапеза, во время которых он улучшает момент для объяснения, зачастую при помощи арии. Таким образом герой добивается взаимности¹⁹.

Образ чувствительного кавалера, впадающего в болезнь от неразделенной любви, получает постепенную прописку в русской рукописной беллетристике первой половины XVIII в., хотя в целом разработка комплекса мотивов любви-болезни и исцеления присутствует в ней с разной степенью разработанности. Между тем еще в «Истории о российском матросе Василии Кориоцком» чувствительность и беспомощность героя другой известной повести – об Александре и Лодвике – имплицитно была подвергнута осмеянию через противопоставление характеров: «И как увиде Василий, паде от ея лепоты на землю, яко Лодвик... токмо не так, как Лодвик... в любовь впаде» [24, с. 196].

Подводя итоги, мы не можем не затронуть вопроса о воздействии литературных образцов на модели бытового поведения. Казалось бы, он может быть решен при сопоставлении с документальными текстами эпохи. Однако в целом русские дневники и мемуары первой половины XVIII в. не содержат описаний частной жизни²⁰.

Исключение, хотя и относительное, представляют собой мемуары князя Б. И. Куракина. В его «Описании жизни» мы находим два коротких, сухих упоминания о сватовстве и женитьбе и ставший хрестоматийным пассаж о метресе-венерианке. Сватовство и женитьба не имеют романтического ореола, и это вполне объяснимо: для представителя аристократического рода брак – это всегда политический и экономический союз, не имеющий ничего общего с жизнью сердца. Настоящее чувство посещает князя Куракина в Венеции (запись 1707–1708 гг.):

И в ту свою бытность *был инаморат* в славную хорошеством одною читадинку, называлася *signora Francescha Rota*, которую имел за медресу во всю свою бытность. И так был *inamorato*, что *не мог ни часу без нея быть*, которая коштвала мне в те два месяца 1 000 червонных. И *разстался с великою плачью и печалью*, аж *до сих пор из средца моего тот атор не может выйти* и, чаю, не выдет. И взял на меморию ея персону, и обещал к ней опять возвратиться, и в намерении всякими мерами искать того случая, чтоб в Венецию, на несколькокое время возвратиться жить [27, с. 278]²¹.

Широко распространенная в европейской культуре овидиевская идея любви-болезни, по-видимому, незнакома автору записок. Наиболее интимные чувствительные переживания, зафиксированные в его жизнеописании, связаны с неприятностями по службе. С ними он связывает свои болезни – ипохондрию и меланхолию, рецидивы кожного заболевания, описанного им с физиологическими подробностями.

Другой пример находится хронологически уже за пределами рассматриваемой нами эпохи. В 20-е гг. XIX в. М. А. Дмитриев описывает благотворное влияние на течение «жестокой и мучительной» болезни посещениями его будущей жены. Автор мемуаров сталкивает принятые поэтические штампы (исцеление любовью) и жизненную реальность:

¹⁹ Эта стратегия не слишком отличается от той, которую предлагает Овидий, разница лишь в том, что решающим качеством выступает у него настойчивость и красноречие, а в Новое время оно воплощается в понятии остроумия. Раннему этапу освоения русской культурой барочного риторического понятия «остроумие» посвящена статья С. И. Николаева: [23].

²⁰ Об особенностях мемуаристики этого периода см.: [25; 26].

²¹ Цитата дана в упрощенной орфографии.

Когда я начал оправляться и мог говорить, хотя еще не оставлял постели, меня навещала иногда Наташа. Она являлась ко мне, *как ангел исцеления*: я забывал болезнь и был счастлив. Это описано мною в том же послании:

С какую сладостной надеждою я ждал
Минуты, что она пришла к моей постели!

<...>

Любовь, любовь меня спасла,
Мольбой невинности закрылась мне могила;
Любовь мне в сердце жизнь влила
И самой дружбе возвратила!

Но в самом деле, без метафор, меня вылечил штаб-лекарь Рудольф и его лекарства [28, с. 150].

Хотя в документальных текстах эпохи мы не найдем описания событий, подобных течению авантюрного литературного сюжета о галантном завоевании возлюбленной, воспроизведение только одного его элемента – метафоры любви-болезни или развернутого комплекса мотивов любви-болезни и исцеления являются важным знаком освоения русской культурой новых кодов. В русской мемуаристике на примере двух приведенных текстов мы наблюдаем в записках Куракина незнание этого культурного кода и в мемуарах Дмитриева – ироническое его обыгрывание через столкновение поэтической «правды» и прозы жизни.

Список литературы

1. Сазонова Л. И. Переводной роман в России XVIII века как *ars amandi* // XVIII век. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). СПб., 1999. С. 127–139.
2. Топоров В. Н. У истоков русского поэтического перевода («Езда в остров Любви» Третьяковского и «Le voyage de l'île d'Amour» Талемана) // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4: XVIII – начало XIX в. С. 589–636.
3. Лотман Ю. М. «Езда в остров Любви» Третьяковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в. // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 2. С. 22–28.
4. Разумовская М. В. Тальман // Русско-европейские литературные связи. Энциклопедический словарь. Статьи. СПб., 2008. С. 219–220.
5. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали. М., 1987. 528 с.
6. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002. 368 с.
7. Неклюдова М. С. Искусство частной жизни: век Людовика XIV. М., 2008. 440 с.
8. Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 173–244.
9. Гаспаров М. Л. Любовный учебник и любовный письмовник (Андрей Капеллан и Бонкомпаньо) // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 571–573.
10. Николаев С. И. Овидий в русской литературе XVII века // Русская литература. 1985. № 1. С. 205–211.
11. Берков П. Н. Овидий в русской литературе XVII–XVIII вв. // Вестн. ЛГУ. 1973. № 14. С. 88–92.

12. Пахсарьян Н. Т. Западноевропейский роман барокко // История зарубежной литературы XVII века: Учеб. пособие / Под ред. Н. Т. Пахсарьян. М., 2005. С. 395–416.
13. Повесть о российском кавалере Александре // Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. С. 57–126, 211–294.
14. Бегунов Ю. К. Неизвестная рукописная повесть первой половины XVIII в. об Евграфе и Александре // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 207–231.
15. Овидий. Наука любви / Пер. и примеч. М. Л. Гаспарова. Новосибирск, 1990. 444 с.
16. Андрей Капеллан. О любви / Пер. М. Л. Гаспарова // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 383–401.
17. Бонкомпаньо. Колесо Венерино / Пер. М. Л. Гаспарова // Жизнеописания трубадуров. М., 1993. С. 401–405.
18. Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 2006. 352 с.
19. Голенищев-Кутузов И. Н. Барокко и его теоретики // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 102–153.
20. Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. 368 с.
21. Мейлах М. Б. К вопросу о структуре «куртуазного универсума» трубадуров // Труды по знаковым системам. 6. Сборник научных статей в честь М. М. Бахтина (к 75-летию со дня рождения). Тарту, 1973. С. 244–264. (Учен. зап. ТГУ, вып. 308).
22. Малэк Э. О бытовой и литературной «карьере» табакерки (по материалам документальных и литературных текстов XVIII в.) // Малэк Э. Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв.: забытые и малоизученные произведения. СПб., 2008. С. 310–317.
23. Николаев С. И. Польское *węzlowaty* и его русские соответствия в XVII–XVIII вв. // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia litteraria rossica. Zeszyt specjalny: Tradycja i inwencja w literaturach słowiańskich. Традиция и инвенция в славянских литературах. Łódź, 2015. С. 165–169.
24. Повесть о российском матросе Василии // Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. С. 191–210.
25. Тартаковский А. Г. Русская беллетристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. 288 с.
26. Билинкис М. Я. Русская проза XVIII века. Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995. 102 с.
27. Дневник и путевые заметки князя Б. И. Куракина, 1705–1708 // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 101–240.
28. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой. М., 1998. 752 с.

L. A. Kurysheva

Novosibirsk, Russian Federation

**OVID'S CONCEPT OF LOVE
AS A DISEASE AND THE PLOT OF CONQUEST OF A BELOVED
IN THE RUSSIAN HANDWRITTEN FICTION**

The Russian handwritten fiction of the first half of the XVIII century, reflected a new ideal of daily behavior, embodied in the concept of «galant homme». In particular, the gallant courtship

ritual recorded in it in the form of the plot of the conquest of a beloved, the start and end point of which – love beau, whose symptoms are similar to the disease, and a reciprocity, which he achieves through the lady's test of his feelings. This plot grew out of the Ovid's concept of love as a disease. Gradually, the image of a sensitive gentleman, which falls into the disease from unrequited love, gets a residence in the Russian fiction. The sign that the Russian culture was using the new codes is their use in memoirs, when describing the feelings of love, either as one element – a metaphor of love-disease, or the deployed motif's complex of love-disease and healing.

Keywords: Russian literature of XVIII century, Ovid, handwritten fiction, manuscript books, novel, semiotics of a quotidian behavior

Kuryshova Lyubov A. – Candidate of Philology, Leading Researcher of Literary Studies Section of Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, kurysh@mail.ru)